

В.В. Хан¹

¹Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре
Республики Казахстан, Косшы, Республика Казахстан

СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАНВА ПРИНЦИПА АДВОКАТСКОЙ ТАЙНЫ: ДИХОТОМИЯ ИРРАЦИОНАЛЬНОГО/РАЦИОНАЛЬНОГО

Предтечей настоящей статьи явилась негативная практика отчуждения принципа адвокатской тайны в уголовном процессе правоохранительными органами и судом, обусловленная недостатком правовой культуры и юридических знаний, позволяющих правильно понимать и применять национальный закон. В этой связи нами осуществляется попытка интегрировать классические способы толкования норм права в теоретическую архитектуру, несущая конструкция которой формируется на основе дихотомии иррационального/рационального в уголовном процессе. Такая интерпретативная парадигма позволит повысить эффективность правоприменительной деятельности за счет правильного уяснения и разъяснения положений уголовно-процессуальных норм.

Ключевые слова: иррационально/рациональное; адвокатская тайны; принципы уголовного процесса; интерпретативная и функциональная парадигма.

Адвокаттық құпия принципінің семантикалық кенепі: иррационалды/рационалды дихотомия

Осы баптың бастаушысы құқық қорғау органдары мен соттың қылмыстық процесте адвокаттық құпия қағидатын иеліктен шығарудың теріс тәжірибесі болды, бұл ұлттық Заңды дұрыс түсінуге және қолдануға мүмкіндік беретін құқықтық мәдениет пен құқықтық білімнің болмауына байланысты. Осыған байланысты біз құқықтық нормаларды түсіндірудің классикалық әдістерін теориялық архитектураға біріктіруге тырысамыз, оның тірек құрылымы қылмыстық процестегі иррационалды/рационалды дихотомия негізінде қалыптасады. Мұндай интерпретациялық парадигма қылмыстық іс жүргізу нормаларының ережелерін дұрыс түсіну және түсіндіру арқылы құқық қолдану қызметінің тиімділігін арттыруға мүмкіндік береді.

Түйінді сөздер: иррационалды/рационалды; адвокаттық құпиялар; қылмыстық процестің принциптері; интерпретациялық және функционалды парадигма.

Semantic outline of the principle of lawyer privacy: irrational/rational dichotomy

The forerunner of this article was the negative practice of alienating the principle of attorney-client privilege in criminal proceedings by law enforcement agencies and the courts, due to the lack of legal culture and legal knowledge that allows one to correctly understand and apply the national law. In this regard, we are attempting to integrate the classical methods of interpreting the rules of law into a theoretical architecture, the supporting structure of which is formed on the basis of the dichotomy of the irrational/rational in the criminal process. Such an interpretative paradigm will improve the efficiency of law enforcement activities through the correct understanding and explanation of the provisions of criminal procedure rules.

Keywords: irrational/rational; attorney-client privilege; principles of criminal procedure; interpretative and functional paradigm.

Введение. Принцип «адвокатской тайны» не содержится в Главе 2 УПК РК в виде самостоятельной нормы права [1], потому как является олицетворением естественного порядка судопроизводства. «*Testimonium adversus clientem nemodici*» (никто не должен свидетельствовать против своего клиента) – гласит знаменитое изречение периода Древнего Рима.

Иррациональная сторона принципа «адвокатской тайны» исходит из биологических, психологических и социальных свойств человека, она пронизывает нормы морали и религии [2]. У человека имеется биологическая потребность в обеспечении безопасности и уверенности в будущем, развивающаяся через социальную потребность в оказании и принятии помощи, поддержки со стороны других членов общества.

Указанные потребности отражаются на психологических особенностях человека, образуя тем самым моральную сторону правовой нормы, естественного и духовного порядка социального взаимодействия, основанной на презумпциях доверия, верности, добропорядочности. Ни одна социальная группа не терпит предательства и измены, потому как ни одна социальная группа не сможет существовать, если внутри нее будут совершаться плохие поступки против друг друга (слово рознь является антонимом слову единства).

Соответственно, в порядке эволюционного развития эти природные свойства человека через мораль материализуются в религиозных нормах, наделяющих предательство и измену качеством тяжкого греха, не находящего прощения и требующего самых суровых наказаний.

Так, в христианстве предательство ассоциативно отождествляется с Иудой Искариотом, предавшего Иисуса Христа, то есть фактически с предательством Сына Божьего. В исламе считается, что «изменник должен сгореть в огне за свой проступок» (Гуар аль-Хакам, с. 15) и «самая худшая из измен – это предательство близкого и преданного друга, нарушение обещания» (Гуар аль-Хакам, с. 501).

В то же время моральная проблема адвокатской тайны гораздо сложнее и глубже. Адвокат и его подзащитный по своей правовой природе образуют некий симбиоз, единое целое, определяемое в процессуальном праве как «сторона защиты». В этой сакральной комбинации адвокат не просто друг или близкий родственник, а неотъемлемая часть самого подзащитного, та его функция, которая отвечает за квалифицированные юридические знания. По этой причине адвокату доверяют самые сокровенные тайны, в которые не посвящают даже священнослужителя. Именно поэтому родовыми понятиями адвоката и подзащитного являются поверенный и доверитель.

Следовательно, с иррациональной стороны попираание принципа «адвокатской тайны» *делает право на защиту ничтожным*. Отождествление адвоката со стороной защиты в морально-психологическом аспекте преобразует свидетельскую привилегию в свидетельский иммунитет. Иными словами, если дача или отказ от дачи показаний подозреваемым (обвиняемым) является правом, то для адвоката отказ от дачи показаний является *священной обязанностью*, поскольку полученная им информация является *собственностью подзащитного*, а, следовательно, он не вправе ей пользоваться и распоряжаться, без разрешения доверителя и во вред ему.

Основная часть. С исторической точки зрения, отчуждение принципа адвокатской тайны (и права на защиту) характерно для деспотичных, авторитарных, тоталитарных политических режимов, использующих репрессии в качестве инструмента подавления воли человека, недопущения любого инакомыслия в обществе, с целью укрепления в общественном сознании мистификации «божественного» происхождения представителей власти, исключая любые формы его неприятия, а потому культивирующего в сознаниях граждан «святость» института доносов.

В рамках уголовного процесса такая конструкция характерна для примитивной инквизиционной формы, которая исключает само понятие сторон и, следовательно, инструменты защиты. Обвиняемый выступает объектом исследования, подлежащий отождествлению с каким-нибудь преступлением. Царицей доказательств в этом ключе

становиться признанием обвиняемого, потому что формальность доминирует над материальностью, субъективность над объективностью, количество над качеством. Соответственно, такой форме процесса свойственны пытки, морально-психологическое и физическое насилие, всевозможные незаконные ухищрения в получении формальных доказательств, а также объективное вменение, презумпция виновности.

Основным историческим примером таких форм судопроизводства являются процессы святой инквизиции, осуществлявших преследование противников церкви, обвиняя их в демонизме и колдовстве. Этот негативный исторический опыт в мировой истории превратил тезис «охота на ведьм» в классический фразеологизм, обозначающий политику уголовных репрессий, основанных на принципе инаковости, то есть в отношении инакомыслящих, неугодных, идеологических или политических противников и т.п., доведенную до абсурда. Так, согласно ст. LXI Каролины (кодексу средневековой Германии) основанием уголовного преследования и применения пытки могла являться сама видимость зла, создающая дурную славу или вызывающая подозрение в преступлении [3].

В прошлом столетии подобные формы уголовного процесса существовали в политических режимах итальянского фашизма и немецкого национал-социализма, оставившие в мировой истории неизгладимый след общечеловеческих трагедий, что привело мировое сообщество к принятию Всеобщей декларации прав человека, фиксации на международном уровне естественных прав и свобод человека, общечеловеческих ценностей.

Применительно к отечественной истории формы примитивной инквизиции использовались органами ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД в ходе осуществления массовых репрессий советских граждан, в том числе на территории Казахстана, особенно в период «Красного террора», «Малого Октября», «Большого террора».

Нормативными (антиправовыми) источниками осуществления массовых репрессий казахстанских граждан в советский период являлись секретные ведомственные оперативные приказы, предписывающие ускоренно-упрощенные процедуры расследования, лимитированные (количественные) нормы лиц, подлежащих репрессированию, внесудебный порядок без права на судебную защиту, обжалования и квалифицированную юридическую помощь, что в корне противоречило конституционным нормам и действующим на тот момент декретам о суде, уголовно-процессуальному закону, основам уголовного судопроизводства.

В эпоху «развитого социализма», создававшего для международного сообщества иллюзорность демократического режима, лица, страдающие «демонизмом» (инакомыслием), стали именоваться «психически больными», нуждавшиеся в принудительном медицинском лечении. Для этих целей в системе МВД существовали так называемые больницы специального типа, ранее имевшие названия тюремных психиатрических больниц НКВД.

Таким образом, сложилась правовая культура отчуждения естественных прав и свобод человека и гражданина, в том числе права на защиту и квалифицированную юридическую помощь. Авторитарно-тоталитарная идеология советского государства не позволяла осуществлять защиту так называемых «врагов народа», а адвокаты могли сами стать объектом уголовного преследования, как лица, препятствующие уголовному преследованию и порочащие (бросающие тень на) доблестные органы следствия и дознания.

Антиправовой режим большевистской власти, построенный на репрессивной политике, отчуждающей естественные права и свободы человека, и тем самым попирающий принципы уголовного процесса, привел к трагическим последствиям экономического, демографического и социального характера, что негативным образом отразилось на численности населения, культуре и психологии казахстанского общества.

В целом мировой опыт эволюции человечества позволил выработать ряд логических формул и рациональных правил, гарантирующих реализацию неотчуждаемых прав человека, одним из которых является право на квалифицированную юридическую помощь и вытекающий из него свидетельский иммунитет адвоката.

Рациональная сторона принципа «адвокатской тайны», учитывая причинно-следственную связь человеческих трагедий в мировой истории, осознавая значимость прав и свобод человека данные людям самой природой, обрела свою формально юридическую определенность посредством норм и принципов международного права, национального конституционного и уголовно-процессуального законодательства.

Так, Всеобщей декларацией прав человека определяется основное назначение права: равенство перед законом, запрет дискриминации, равное положение сторон в уголовном процессе, презумпция невиновности, обеспеченная гласным рассмотрением дела, справедливым, независимым и беспристрастным судом, а также всеми возможностями для защиты [4].

В Международном пакте о гражданских и политических правах указанные принципы, в синтезированной виде представлены в форме минимальных стандартов прав подозреваемого (обвиняемого), фиксирующие гарантии реализации в интересах правосудия состязательности и равноправия сторон, право на защиту и квалифицированную юридическую помощь, запрет на принуждение к самообвинению, а также достаточного времени и иных возможностей для осуществления своей защиты, включая беспрепятственное общение, взаимодействие с избранным им защитником [5].

Эти международные каталоги неотчуждаемых прав и свобод человека получили свое закрепление в нормах и принципах Конституции РК. В частности, п. 3 ст. 13 гарантирует каждому право на получение квалифицированной юридической помощи, а ст. 77 определяет неотъемлемые начала уголовного правосудия, ядро которых образуют элементы принципа презумпции невиновности и свидетельской привилегии [6].

Данные конституционные нормы и принципы разворачиваются, детализируются и конкретизируются в принципах и нормах уголовно-процессуального закона. Относительно нашего вопроса следует выделить принципы: законность; охраны прав и свобод граждан при производстве по уголовным делам; неприкосновенности частной жизни. Тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений; презумпции невиновности; презумпция невиновности; осуществление правосудия на началах равенства перед законом и судом; осуществления судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон; всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела; обеспечения свидетелю, имеющему право на защиту, подозреваемому, обвиняемому права на защиту; обеспечения права на квалифицированную юридическую помощь; освобождения от обязанности давать свидетельские показания.

Формальная сторона этих принципов дает достаточное представление о том, что адвокат не имеет права свидетельствовать против своего подзащитного и его разговоры с подзащитным составляют охраняемую законом тайну. Эта логика объективно складывается, прежде всего из бремени доказывания стороной обвинения и привилегии стороны защиты не доказывать свою виновность/невиновность, ставить под сомнение и опровергать факты, интерпретируемые стороной обвинения в свою пользу.

Так, принципы уголовного процесса отождествляют подозреваемого, обвиняемого, защитника, адвоката со стороной защиты, а, следовательно, представляют адвоката и подзащитного в качестве симбиоза, единого целого. Такая логика прослеживается и в положениях Главы 9 УПК РК, объединяющей участников процесса, защищающих свои или представляемые права и интересы [1].

В этой связи общение защитника с подзащитным обретает статус конфиденциальности. Разговор подзащитного с защитником по своей природе носит доверительный, интимный характер, который может не состояться со стороной обвинения. Подзащитный раскрывает сведения интимного характера, осознавая, что как с моральной точки зрения, так и с позиции права он ведет беседу с самим собой и в интересах своей защиты, воспринимая адвоката как часть себя, не допуская даже мысли о том, что эти сведения могут быть использованы против него.

В этот момент подзащитный находится под охраной права и закона (ст. 28 УПК), запрещающего принуждать его к самообвинению, а потому аудио и видео фиксация его разговора с адвокатом, защитников, а также полученные против него показания у его адвоката становятся ничтожными в качестве доказательств. В таких случаях имеются все признаки злоупотребления доверием, введения в заблуждение относительно своих прав, принуждения к даче показаний против самого себя.

Не могут они быть положены и в основу обвинения, потому как обладают свойствами одностороннего и предвзятого отношения к подозреваемому (обвиняемому) (ст. 23 УПК), нарушают равноправие сторон (ст. 23 УПК) и тем самым проявляют неуважение к правам стороны защиты и дискриминацию по профессиональному признаку, возможно по причине отсутствия у адвоката государственно-властных полномочий. Предвидя это уголовно-процессуальный закон обязывает орган, ведущий уголовный процесс, охранять права и свободы участников процесса, создавать условия для их осуществления, принимать своевременные меры к удовлетворению законных требований (ч. 1 ст. 15 УПК).

Положения указанных принципов разворачиваются и конкретизируются в остальных нормах уголовно-процессуального закона, касающихся процессуального статуса стороны защиты и непосредственно самого адвоката, особенностей его участия как субъекта уголовного процесса.

Уголовно-процессуальный закон обязывает адвоката использовать все законные средства и способы защиты в целях выявления обстоятельств, опровергающих подозрение, обвинение или смягчающих ответственность подозреваемого, обвиняемого, и оказать им необходимую квалифицированную юридическую помощь (ч. 1 ст. 70 УПК).

Следовательно, закон запрещает адвокату совершать какие-либо действия против интересов подзащитного и препятствовать осуществлению принадлежащих ему прав; вопреки позиции подзащитного признавать его причастность к уголовному правонарушению и виновность в его совершении, заявлять о примирении подзащитного с потерпевшим; признавать гражданский иск; отзываться поданные подзащитным жалобы и ходатайства; разглашать сведения, которые стали ему известны в связи с обращением за юридической помощью и ее осуществлением (ч. 5 ст. 70 УПК).

Становясь посвященным в тайны своего подзащитного, адвокат должен помнить о своем профессиональном долге, о том, что он стал его неотъемлемой частью, а потому закон лишает адвоката права отказаться от принятой на себя защиты (ч. 5 ст. 66 УПК).

В этих целях п. 3) ч. 2 ст. 78 УПК устанавливает в отношении адвоката свидетельский иммунитет, он запрещает допрашивать адвоката в качестве свидетеля об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с выполнением своих обязанностей.

Далее, ч. 8 ст. 232 предусматривает прямой запрет на проведения негласных следственных действий в отношении адвокатов, осуществляющих профессиональную помощь.

Более детальная конкретизация правового положения адвоката в национальном праве происходит за счет специальных норм права, имеющих универсальный характер в разрезе межотраслевого применения.

Относительно нашего вопроса следует акцентировать внимание на отдельных принципах оказания юридической помощи, закрепленных в Законе Республики Казахстан «Об адвокатской деятельности и юридической помощи» от 5 июля 2018 года № 176-VI ЗРК (далее – закон об адвокатуре) [7].

Так, принцип уважения и защиты прав и свобод клиента определяет ключевую цель адвокатской деятельности – защита и содействие в реализации прав, свобод и законных интересов подзащитных. В силу чего запрещаются действия, унижающие честь или умаляющие достоинство клиента, посягающие на неприкосновенность его частной жизни, нарушающие его личную и семейную тайну, тайну личных вкладов и сбережений, переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 7).

Принцип предоставления юридической помощи в интересах клиента отмечает главную задачу адвокатской деятельности, а именно: принятие необходимых мер для предотвращения вреда интересам подзащитного и в этой связи разъяснять клиенту возможные результаты и последствия юридической помощи, включая характер и размер финансовых затрат. При этом выбор мер оказания юридической помощи должен исходить исключительно из интересов клиента (ст. 8).

И вполне закономерно, что реализация этих принципов невозможна без принципа «сохранение профессиональной тайны», запрещающей раскрывать любые сведения без согласия клиента, вне зависимости от пространственно-временных координат (ст. 9).

Такая смысловая нагрузка подтверждается содержанием профессиональных правил, обязывающих адвоката соблюдать верность интересам лица, обратившегося за помощью, и не совершать каких-либо действий вопреки его интересам (пп. 4) п. 1 ст. 34), а также запретом допроса адвоката в качестве свидетеля об обстоятельствах, ставших ему известными при осуществлении им своих профессиональных обязанностей и истребования или требования от адвоката, его помощника, его стажера, лица, находящегося в трудовых отношениях с адвокатом, юридической консультацией, адвокатской конторой, руководителей и работников президиума коллегии адвокатов, а также от лица, в отношении которого прекращено или приостановлено право на занятие адвокатской деятельностью, или пытаться другим способом получить без согласия адвоката и его клиента сведения, материалы, связанные с оказанием юридической помощи, за исключением случаев, установленных законами Республики Казахстан (п. 3 ст. 35).

Кроме того, государственные органы, должностные лица не вправе отказывать адвокату в предоставлении свиданий наедине с его подзащитным в условиях, обеспечивающих конфиденциальность таких свиданий, а также ограничивать их количество и продолжительность (п. 4 ст. 35).

Сущность и содержание адвокатской тайны раскрывается в ст. 37 закона об адвокатуре, к которой относятся факты обращения к адвокату, сведения о содержании устных и письменных переговоров с лицом, обратившимся за помощью, и другими лицами, о характере и результатах предпринимаемых в интересах лица, обратившегося за помощью, действий, а также иная информация, касающаяся оказания юридической помощи.

Эти правила распространяются также на помощников, стажеров, работников президиума коллегии адвокатов, юридической консультации, адвокатской конторы, а также лиц, в отношении которых прекращено или приостановлено право на занятие адвокатской деятельностью и включают в себя не только распространение, но и использование в своих интересах или интересах третьих лиц каких-либо сведений, полученных в связи с оказанием юридической помощи.

Исключение составляет представление сведений и информации в уполномоченный орган по финансовому мониторингу в соответствии с Законом Республики Казахстан «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». Однако и это исключение имеет свои юридические тонкости.

С позиции адвокатской деонтологии данные правовые нормы детализированы в «Кодексе профессиональной этики адвокатов», утвержденном второй Республиканской конференцией делегатов коллегий адвокатов от 26 сентября 2014 года (далее – Кодекс этики адвоката), который он обязан соблюдать в соответствии с пп. 2) п. 7 ст. 33 закона об адвокатуре [8].

Таким образом, **системный подход** позволяет заключить, что совокупность юридических норм, определяющих природу национального уголовного процесса, особенности уголовно-процессуальных отношений, процессуального и правового статуса адвоката не позволяют адвокату каким-либо образом вредить своему подзащитному, свидетельствовать и доносить на него, выполнять обязанности стороны обвинения, органов уголовного преследования. *Адвокат не вправе использовать полученные сведения в ходе*

оказания квалифицированной юридической помощи против, во вред своего подзащитного, раскрывать эти сведения без его согласия.

В функциональном аспекте адвокат реализует в уголовном процессе конституционную гарантию на защиту и квалифицированную юридическую помощь. Так, свидетель, имеющий право на защиту, подозреваемый, обвиняемый, остаются один на один со слаженной системой государственных органов, осуществляющих задачу по раскрытию и расследованию уголовных правонарушений, а также уголовному преследованию конкретного лица.

Органы следствия и дознания, прокурор, обязаны осуществлять свои функции, основываясь на принципе всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела. Однако иррационально увлекаясь своей задачей, ведомственными интересами, органы следствия и дознания, прокурор могут отклониться от рационального курса, ошибиться из-за неправильной оценки морально-психологического состояния подследственного, обвиняемого, ввести его в заблуждение, забывая о его юридической безграмотности.

По этой причине одной из ключевых гарантий достоверности вербальных доказательств является принцип презумпции невиновности, детализация которого происходит за счет свидетельской привилегии и неприкосновенности частной жизни, включая конфиденциальную беседу с лицом, оказывающим квалифицированную юридическую помощь.

В этой связи в уголовно-процессуальные отношения вступает еще один субъект, выполняющий профессиональную функцию защиты, выступающий своеобразной «совестью» следователя и дознавателя, напоминая им о том, что их основной задачей являются установление истины, элементы которой содержатся в ст. 8 УПК РК [1].

Уголовно-процессуальная деятельность адвоката также основывается на принципах, законах и правилах формальной и диалектической логики, а, следовательно, исходит из принципа всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела. В этих целях адвокат должен погрузиться в объективную реальность произошедшего события, указать и постараться исправить ошибки органа, ведущего уголовный процесс и тем самым обеспечить справедливое судопроизводство, достижение объективной (материальной) истины по делу.

Первичное познание объективной реальности происходит вербально, путем беседы с подзащитным, который излагает свою версию произошедшего. Исходя из этого сторона защиты выстраивает свою тактику, осуществляет процесс доказывания. Исследование адвокатом материалов уголовного дела, участие в следственных и процессуальных действиях, позволяет сопоставить со своими знаниями о произошедшем событии, обосновать ходатайства и жалобы, и тем самым реализовать принцип всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела.

Таким образом, исходя из процессуальной функции адвоката и назначения адвокатуры (ст. 31 Закона об адвокатуре), адвокат, для надлежащего решения задач уголовного судопроизводства и достижения объективной (материальной) истины по уголовному делу, обязан погрузиться в произошедшее событие и предотвратить неправильное, одностороннее и предвзятое толкование его деталей субъектами расследования и стороной обвинения, опровергнуть и поставить под сомнения их умозаключения чтобы суд мог получить адекватную картину произошедшего и юридически правильно квалифицировать деяния подсудимого.

Поэтому для реализации уголовно-процессуальной функции адвоката закон гарантирует конфиденциальную беседу с подзащитным, соблюдение адвокатской тайны, равенство сторон, презумпцию невиновности и бремя доказывания стороны обвинения.

С позиции законов формальной логики сторона защиты не является тождественной стороне обвинения, а, следовательно, адвокату запрещено осуществлять функцию обвинения против своего подзащитного, содействовать следствию и дознанию в изобличении своего

подзащитного, свидетельствовать и доносить на него, иным способом поступать во вред правам, свободам и законным интересам своего подзащитного, вне зависимости от временных и пространственных координат.

Развернутая детализация этих положений акцентируется в п. 11 Кодекса этики адвоката, в котором отмечается, что адвокат в своих выступлениях не должен допускать высказывания, которые могут рассматриваться как свидетельские показания. Сотрудничество на конфиденциальной основе с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, в ходе осуществления адвокатской деятельности несовместимо со статусом адвоката.

Адвокатский иммунитет, в том числе от уголовного преследования, декларирован принципом независимости лиц, оказывающих юридическую помощь, запрещающий вмешиваться в законную деятельность адвоката прокуратуре, суду и другим государственным органам, иным организациям и лицам.

Уголовно-правовая охрана этого данного принципа определена ст. 435 УК, устанавливающей уголовную ответственность за воспрепятствование законной деятельности адвокатов и иных лиц по защите прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, а также оказанию юридической помощи физическим и юридическим лицам.

Политико-правовые установки нашего государства также направлены на обеспечение реализации принципа состязательности и равноправия сторон, устранения асимметрии между стороной защиты и обвинения. В частности, в Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года, утвержденной указом Президента Республики Казахстан от 15 октября 2021 года № 674 актуализируется вопрос защиты конституционных права и свобод граждан, качества осуществления уголовного преследования и отправления правосудия, искоренение практики превалирования ведомственных показателей (раскрываемости, направления в суд) над соблюдением прав человека[9].

В этом ключе стремлением нашего государства является достижения уровня обеспеченности соблюдения прав человека и его законных интересов стран ОЭСР. В связи с чем поставлены задачи по продолжению развития принципа состязательности и равноправия сторон путем максимального обеспечения доступа граждан к правосудию, а также исключению обвинительного уклона, усиление механизмов, направленных на обеспечение и неукоснительное соблюдение конституционных принципов презумпции невиновности и обеспечение неприкосновенности частной жизни.

Анализ посланий Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана также позволяет утверждать о том, что ключевым направлением правовой политики государства в сфере уголовного судопроизводства является обеспечение прав и свобод человека, а также реализации принципа состязательности и равноправия сторон, искоренение обвинительного уклона суда.

Так, в Послании народу Казахстана от 1 сентября 2020 года, Глава государства обращает внимание на преобладание в работе правоохранительной системы в силу инерции прошлого обвинительного уклона, необоснованного вовлечения в орбиту уголовного преследования граждан, с силу чего требует, чтобы права и свободы граждан перестали страдать от угоды показателей. К.-Ж.К. Токаев особо подчеркивает, что законность и справедливость должны обеспечиваться по умолчанию. Он обращает внимание не то, что важным критерием правового государства является беспристрастное и справедливое правосудие, а значит суд должен быть состязательным, а судья – свободным от стороны обвинения. Для этого необходимо обеспечить равенство адвокатов и прокурора[10].

В Послании народу Казахстана «Единство народа и системные реформы – прочная основа процветания страны» Глава государства указывает, что результатом усиления прокурорского надзора стало усиление защиты участников уголовного процесса, что позволило предотвратить необоснованное вовлечение в уголовную орбиту более двух тысяч граждан. Вместе с тем К.-Ж.К. Токаев акцентирует внимание на том, что, защищая права граждан, нельзя забывать и о правах правозащитников, в том числе адвокатов. Следует

обеспечить безопасность их деятельности, пресекать незаконные действия, препятствующие их работе. Таков стратегический курс, направленный на совершенствование политической системы и защиту прав человека [11].

В Послании народу Казахстана «Новый Казахстан: путь обновления и модернизации» от 16 марта 2022 года, Глава государства сфокусировал особое внимание на защите фундаментальных прав граждан, предотвращении пыток и других незаконных методов, привлечения лиц к уголовной ответственности [12].

Заключение. Таким образом, политико-правовые установки государства, ориентиры деятельности правоохранительных органов и суда, обозначенные Президентом страны, также свидетельствует о недопустимости толкования норм права в сторону попирания конституционных прав и свобод человека, в угоду обвинительного уклона и ведомственным показателям. Государственная политика направлена на усиление правозащитных механизмов, статуса адвокатов и не допускает действий со стороны правоохранительных органов и суда по ущемлению прав подозреваемого, обвиняемого, а также препятствованию адвокатской деятельности, посягательствам на сохранение конфиденциальности беседы адвоката с подзащитным, особенно для выгоды уголовного преследования.

Следовательно, на основе природных, моральных, психологических и социальных свойств человека, образующих иррациональную сторону права, исторически формировавшую рациональную сторону, выраженную в совокупности юридических норм, определяющих функциональный статус адвоката, следует признать, что адвокат не вправе доносить, свидетельствовать против своего подзащитного, или иным образом причинять вред его правам, свободам и законным интересам, вне зависимости от временных и пространственных координат.

Принцип адвокатской тайны формирует абсолютное право адвоката и подзащитного на неприкосновенность предмета их общения, а, соответственно, не подлежит ограничению ни под каким предлогом и ни при каких условиях. Доказательства, полученные с нарушением данного принципа, являются ничтожными и не могут использоваться в процессе доказывания.

Список использованных источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V ЗРК [Электронный ресурс] // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (дата обращения 28.05.2023 г.)
2. Хан В.В. Дихотомия «иррационального/рационального» как теория познания принципов уголовного процесса // Ученые труды Алматинской академии МВД Республики Казахстан им. М. Есболатова – № 4 (73). – 2022. – С. 367-375.
3. Каролина. Уголовно-судебное уложение Карла V. Перевод, предисловие и примечания проф. С.Я. Булатова. Алма-Ата, 1967. [Электронный ресурс] // <http://krotov.info/acts/16/1/1532karolina.htm> (дата обращения 28.05.2023 г.)
4. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс] // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения 28.05.2023 г.)
5. Международный пакт о гражданских и политических правах [Электронный ресурс] // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения 28.05.2023 г.)
6. Конституция Республики Казахстан [Электронный ресурс] // https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution (дата обращения 28.05.2023 г.)
7. Закон Республики Казахстан «Об адвокатской деятельности и юридической помощи» от 5 июля 2018 года № 176-VI ЗРК [Электронный ресурс] // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1800000176> (дата обращения 28.05.2023 г.)
8. Кодекс профессиональной этики адвокатов, утвержденный второй Республиканской конференцией делегатов коллегий адвокатов от 26 сентября 2014 год а [Электронный ресурс] // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31643846 (дата обращения 28.05.2023 г.)
9. Указ Президента Республики Казахстан «Об утверждении Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года» от 15 октября 2021 года № 674 [Электронный ресурс] // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000674> (дата обращения 28.05.2023 г.)

10. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана «Казахстан в новой реальности: время действий» [Электронный ресурс] [//https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-1-sentyabrya-2020-g](https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-1-sentyabrya-2020-g)(дата обращения 28.05.2023 г.)

11. Послание Главы государства народу Казахстана от 1 сентября 2021 года «Единство народа и системные реформы - прочная основа процветания страны» [Электронный ресурс] [//https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2100002021](https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2100002021)(дата обращения 28.05.2023 г.)

12. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана от 16 марта 2022 года «Новый Казахстан: путь обновления и модернизации» [Электронный ресурс] [//https://adilet.zan.kz/rus/docs/K22002022_1](https://adilet.zan.kz/rus/docs/K22002022_1)(дата обращения 28.05.2023 г.).

Сведения об авторе

Хан В.В. – профессор Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, кандидат юридических наук.

Хан В.В. – Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасы жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының профессоры, заң ғылымдарының кандидаты.

Khan V.V. – Professor of the Academy of Law Enforcement Agencies at the General Prosecutor's Office of the Republic of Kazakhstan, Candidate of Legal Sciences.